

УБИВАЮТ НЕ БЕДСТВИЯ,

Указом президента 2015 год в России объявлен Годом литературы. Писатель в России всегда был больше, чем просто сочинитель историй. На них обществом возлагалась миссия выразителя народных чаяний, провидца, посредника между людьми и властью. Давний друг редакции «АН» Виктор Трифонович СЛИПЕНЧУК – полноправный представитель племени мудрецов, пишущих книги. Сегодня на наших страницах он рассуждает о месте литературы в современном обществе и о том, что нас ждёт впереди.

Ирония романтики

– Виктор Трифонович, главный герой вашей поэмы «Зигзаг» – юный романтик – попадает на планету Нибиру, населённую монстрами, и подвергается испытаниям из-за любви к девушке своей мечты. Что общего между вами и главным героем? Вы тоже в душе романтик?

– Каждый из нас в какое-то время был романтиком. Существует такое понятие – романтический возраст. Английский писатель Алан Милн, известный у нас в стране как автор книжки о Винни-Пухе, даже написал пьесу с идентичным названием. Конечно, романтический возраст свойственен юности, но мы, родившиеся в местах всесоюзных ударных комсомольских строек, избегали быть романтиками. К нам приезжали по вербовке так называемые романтики, для освоения Сибири и Дальнего Востока. Они получали надбавки к зарплате, всевозможные льготы, а мы, родившиеся там, ничего не получали. И, насмотревшись романтизма вербованных романтиков, виртуозно играющих краплёными картами и цифирящих прямо на своём рабочем месте, многие из нас стали скептиками. В том числе и я, родившийся в Черниговке в 200 км от Владивостока.

Разумеется, были и истинные романтики, которые ехали «за туманом и за запахом тайги». Тем не менее и они ехали не за свой счёт, а предварительно получали подьёмные. Только не надо думать, что я кому-то с опозданием предъявляю претензии. Нет. Я хочу сказать, что сибиряки и дальневосточники уже тогда имели свой взгляд на жизнь.

Мы смотрели на окружающий нас мир с чувством тонкой иронии, но и надежды. Именно это и роднит меня с главным героем поэмы «Зигзаг».

– Вы посвятили эту поэму внукам. Почему?

– Мой сын Миша и дочь Наташа, когда были маленькими, всегда говорили: «Папа, напиши что-нибудь для нас. Галя (жена), врывшая в мой талант безоговорочно, поддерживала их: «Напиши им!» И я пытался, но всякий раз у меня не получалось. Фраза, что для детей надо писать так же, как и для взрослых, только немножко лучше, в зародыше смирала мой пыл. Одно дело, когда кто-то где-то говорит о твоей несостоятельности, и совсем другое, когда об этом могут заговорить родные тебе люди – жена, дети.

Я несколько раз брался за написание поэмы. И однажды настолько преуспел, что, несмотря на собственный запрет, прочёл отрывок жене в присутствии детей. Дети слушали взахлёб – запретный плод.

Начало оказалось впечатляющим, жена повеселела, и я, посчитав своё дело сделанным, больше не прикасался к поэме.

Тем не менее сын Миша уже в наши дни заинтересовался – где поэма? «Какая поэма?!» Я сделал вид, что не понимаю, о чём речь. Но Галя сразу поняла. Помню её взгляд. Нет, не разочарования – просьбу: «Ну что же ты – признайся?!»

Пришлось начинать поэму во второй раз. Потом на какое-то время все успокоилось.

Как-то собрались за общим столом вместе с внуками, и Миша вдруг стал читать на память продолжение моей незаконченной так называемой поэмы для детей. Домочадцы насели с требованиями завершить начатое.

И я взялся в третий раз. Сыграло уязвленное самолюбие. Некоторые прежние двустихия использовал больше для видимости, что взялся за прежнюю поэму, но конечно же сочинял её заново. И сразу ориентировался на внуков, которые к этому времени достаточно хорошо подросли. Ване должно было стукнуть пятнадцать лет, Грише – четырнадцать, Марфе (по-нашему Маруше) – десять лет.

После завершения «Зигзага» никаких особых чувств не было. Закончил – ну и ладно. Отложил поэму, не сразу даже жене прочёл, предполагал, что огорчится. К моему удивлению, Галя не огорчилась. Сказала, что поэму надо прочесть внукам. Я был приятно удивлён, что внуки её очень высоко оценили.

Полтора месяца жизни не хватало Галине Михайловне Слипичук (в девичестве Г.М. Южаниной), чтобы поддержать книгу «Зигзаг» в руках. Хорошо помню, что некоторые страницы макета книги Галочка читала с улыбкой, а на странице «Посвящается внукам» всегда задерживалась, и лицо её озарялось трепетным светом нежности.

Сладкая каторга

– Как вы стали писателем? Что являлось стимулом?

– Я был принят в Союз писателей СССР в 1982 году. То есть к моменту, когда взялся за роман «Зинзивер» в 1998 году, я был вполне состоявшимся литератором. В «Справочнике Союза писателей СССР» за 1986 год сообщается, что я – поэт и прозаик. Тем не менее первая книга стихов вышла у меня только в 2006 году. Согласитесь, сообщение выглядит если не странным, то необычным. Поэтических книг у меня не было.

Дело в том, что в советское время писательская среда состояла не только из так называемых неприкасаемых писателей, облаканных властью. Во все време-

Виктор Слипичук, 01.01.2015

Насмотревшись романтизма вербованных романтиков, цифирящих прямо на своём рабочем месте, многие из нас стали скептиками.

на в любой профессии были, есть и будут честные люди, патриоты своей страны. Они не всегда в первых рядах с властью, но именно они решают во времени – кто есть кто? Потому что иногда создаётся такая атмосфера в обществе (не без помощи той же власти), что творческому человеку просто нечем дышать. Именно такая атмосфера была в 90-х годах прошлого века. Неслучайно эти годы называют лихими. Для некоторых воспользовавшихся ельцинско-чубайсовской приватизацией это слово вбирало в себя лихость (проворность, хваткость, смелость и т.д.), так сказать, было производным от лихачества, которое старая интеллигенция воспринимала как ухарство, как презрение к существующим советским законам (других тогда не было). Но ухари составляли небольшую часть общества и вошли в наше сознание как «новые русские». Для большинства людей, в том числе и большинства интеллигенции, корень слова *лихо* воспринимался однозначно – зло, беда, несчастье. *Живи тихо, не буди лихо.*

Разбудили. Помню всеобщее запустение тех лет, грязь и неразбериху во всём. У меня участились приступы астмы. Стал задумываться, не дай бог, прихватит приступ, и всё – при такой жизни ничего нельзя было исключать. Решил – не буду писать, а деньги, которые загодя оставляли на моё *писательство*,

истрачу на что-нибудь материальное. Решение принял весьма болезненное – с детства мечтал стать писателем. Получив деньги за «День возвращения» (довольно приличные по тем временам), пустил их все на строительство дачи в Крыму, за посёлком Черноморское.

Занялся строительством дачи. Отгонял мысли о *писательстве*. Времени не хватало. Но все трудности стройки были понятными, и оттого жизнь казалась лёгкой и безоблачной.

И вот однажды захожу в свой кабинет – портрет Эрнеста Хемингуэя в свитере на полке стеллажа, а внизу, на другом яру, – роман «Мартин Иден» Джека Лондона. И раньше они попадались на глаза, но не реагировал, а тут – словно кто-то

Я категорически против революций и против режиссёров, режиссирующих революционную ситуацию.

свинцовой рукой сдвинул сердце и какая-то горячая-горячая капля медленно-медленно, обжигая внутренности, опустилась в живот. И всё – прежняя лёгкая жизнь закончилась.

Поначалу даже не понимал, что пишу роман. Всё хотел побыстрее закончить свою неожиданную «писанину» и вернуться к своей полюбившейся жизни *не писателя*. Но постепенно история молодого поэта, его любви на фоне последней русской революции, захватила меня. В общем, не знаю, что послужило стимулом для написания первого романа. В данной ситуации скорее был стимул не писать.

– Вы как-то сказали: «Моё время – это время полёта Гагарина и героических лозунгов». А как бы вы охарактеризовали сегодняшний день? Труднее или легче сейчас писать, чем в советское время?

– В романе «Зинзивер» главный герой рассуждает, что зло, возможно, придуманное Богом как вкусовая добавка, чтобы усилить вкус добра, превращается в самодовлеющую единицу, оспаривающую суть и место добра. То значение денег, которое мы наблюдаем в сегодняшнем мироустройстве, – губительно. Всё можно купить и продать. Главное – хорошая цена, и никто не устоит. Добро, не подкреплённое деньгами, словно бы уже и не добро. А коллаборационизм, проще говоря,

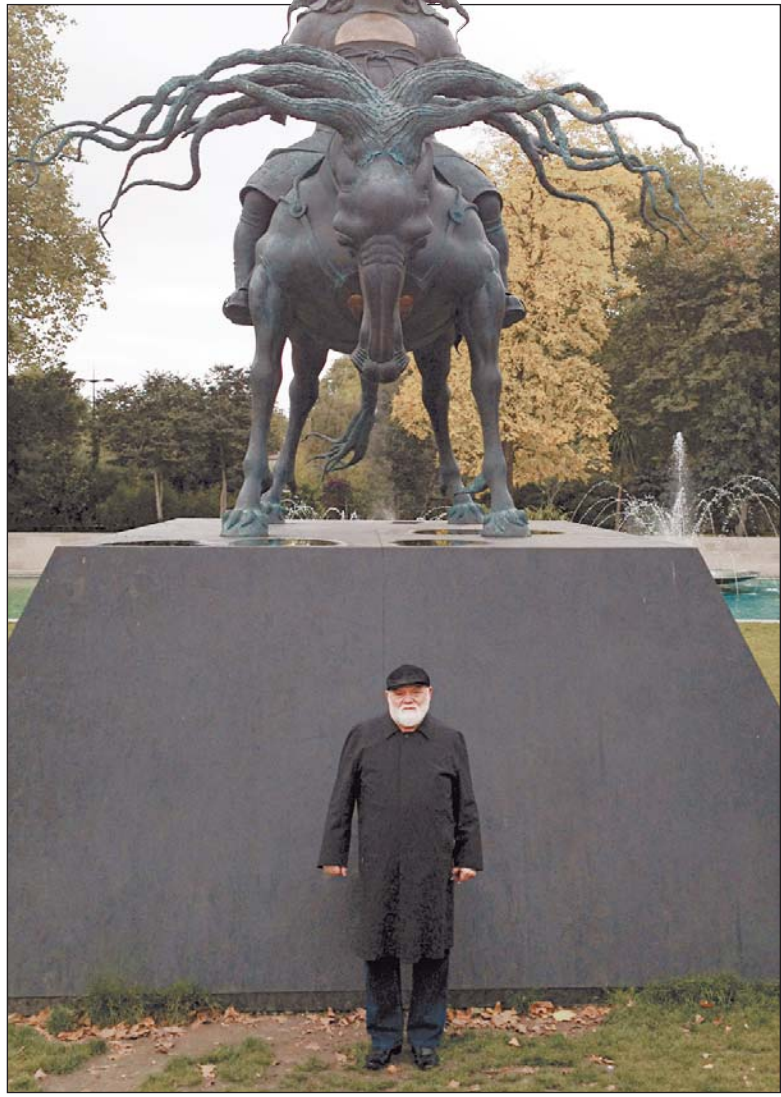
предательство, подкреплённое деньгами, вроде бы уже и не предательство – нормальный бизнес.

Это неправильно. Есть человеческие качества, которые при любом общественном строе не подлежат пересмотру. Мы все знаем необходимые для жизни качества, но умалчиваем о них, забывая, что умолчание – один из способов лжи. То есть работаем в пользу зла.

Вы спрашиваете – время каких книг?

Сейчас в моде женская проза. Например, «50 оттенков серого». Уже вышел фильм по этой книге. Проза в моём понимании не может быть женской или мужской. Проза может быть хорошей или плохой. Женская проза – это, грубо говоря, сопля. Можно, конечно, устанавливать оттенки... но это уже прерогатива медиков.

А УНИЖЕНИЕ

Виктор Слипенчук на фоне памятника Чингис-Хану бурятского скульптора Даши Намдакова, Лондон, 28.10.2012

Скажу так — лично для меня ничего не изменилось. Что при советской власти, что сейчас истинный литературный труд как был, так и остался *сладкой каторгой*.

Воздух жизни

— Судя по поэме «Зигзаг», вам близко по духу современное юное поколение. Что вас роднит с ними и что отдаляет?

— Мне близко современное юное поколение не только по произведениям, которые адресовал им, а потому ещё, что у меня есть внуки: и юные, и подростки, и очень маленькие. Близость по духу имеет большое значение, причём зачастую первостепенное. Она своего рода золотой запас понимания в любом возрасте. Потому что наша душа менее изменчива, чем любые самые твёрдые, самые линейные материальные субстанции.

В дневнике «За мысом Поворотным» мой главный герой говорит, что если бы мы могли протестировать среднего древнего грека трёхтысячелетней давности и такого же среднего из нас, то вполне вероятно, что древний грек вышел бы победителем в тестировании. Потому что человек, его характер практически не меняются. В основе человеческих поступков хорошо известные нам мотивы. Любовь, справедливость, ненависть, алчность и так далее, а с эпохой — мотивы. Что-то выходит на первый план, что-то на второй, что-то затухает, а что-то остаётся за кулисами.

Из исторических источников известно, что в Древней Греции приветствовалась умеренность в потреблении. Некоторых знаме-

нитых людей того времени в наказание другим гражданам изгоняли из города за обжорство. Мы живём в век перепотребления. Рекламируются всякие фастфуды. В Древней Греции были устои и принципы. Жестоко наказуемым было предательство. А сейчас коллаборационизм всё больше приобретает вид бизнеса, беспринципность трактуется как разновидность толерантности.

В общем, родство по духу — это очень серьёзное родство. И если оно есть в моих произведениях, то мне нечего опасаться. Ничто не может отдалить меня от молодёжи. Во всяком случае, осваивая ту или иную профессию, мне, так же как и им, приходилось начинать с нуля. Кроме того, романы пишутся не сединами, а душой. А душа всегда молода.

— Насколько важно для нынешнего поколения знать правду о войне?

— Правда важна всегда и везде. Молодёжь просто в силу возраста не может знать, что такое беспощадная правда о войне, а что такое художественный вымысел. Вот совсем недавно, накануне 70-летия освобождения узников нацистского концлагеря Освенцим советскими войсками, глава МИД Польши заявил, что Освенцим был освобождён украинскими войсками. Своё заявление он мотивировал тем, что Освенцим был освобождён Украинским фронтом. Всё это так, но Украинский фронт составляли советские войска, в которых плечом к плечу воевали русские, украинцы, белорусы, татары, буряты, якуты, евреи и так далее и так далее — все нации Советского Союза воевали. Министр Польши умышленно так сказал, чтобы подыграть США и сегодняш-

ней украинской власти, которая утвердилась в Киеве с помощью вооружённого переворота. И самое неприятное, что при нашем недостаточном образовании какая-то часть молодёжи может поверить в эти бредни.

В СССР умалчивалась вся правда о бандеровцах, о том, что они сожгли белорусскую Хатынь. Свалили их злодеяния на немцев. Боялись опорочить украинцев. Теперь задним числом говорим правду, а она не работает, то есть работает в каком-то смысле на варваров (ужасает и запугивает мирных жителей) — вот они какие, бандеровцы, они всех нас пожгут, и они уже тут как тут — жгут одесситов. Одним своим появлением делают зайками стариков, женщин и детей.

Сейчас КПРФ внесла предложение в Госдуму о возвращении Волгограду имени, которое благодаря Сталинградской битве стало синонимом величия советского солдата на весь мир. Я говорю о городе-герое Сталинграде, который в своё время был переименован Н.С. Хрущёвым. Были ссылки, что народ поддержал переименование. Конечно, это было неправдой. Да, народ не выходил на митинги, не протестовал, и молчание было расценено как согласие. Думаю, 70-летие Победы — достаточно серьёзный повод, чтобы взглянуть правде в глаза. Народ не молчал — народ безмолвствовал, а это далеко-далеко не одно и то же.

Генерал Иван Васильевич Зуев служил в известной 2-й ударной армии вместе с генералом Власовым. В 1942 году они выходили из окружения, и надломленный Власов сдался немцам, Зуев не сдался. Иван Васильевич Зуев с отрядом красноармейцев пробивался к своим. Когда они вышли из Мясного Бора на же-

Для детей надо писать так же, как и для взрослых, только немножко лучше.

лезную дорогу, кто-то из местных сообщил немцам. Немцы предлагали ему сдаться, но он отстреливался до последнего патрона, а последним — застрелился. Ему было тридцать пять лет.

В 1965 году пионерка Наташа Орлова нашла могилу Ивана Васильевича Зуева. Написала со слов очевидцев о его героическом поступке в местную газету. И так, шаг за шагом, пришлось признать, что 2-я ударная армия, попав в окружение и умирая с голоду, продолжала воевать. Когда поисковики Новгородчины вошли в Мясной Бор, они были потрясены — бор был усеян скелетами наших солдат. Очень, очень малая часть красноармейцев сдалась немцам. Остальные «власовцы» либо полегли в лесу, либо вышли из окружения. Однако тень Власова легла на всех погибших бойцов. Вот почему нужна правда о войне всегда и везде, и желательно на все сто.

У меня есть рассказы о войне. Но я не воевал, это отзвук войны в моём сердце. «День Победы», «Похоронка», «День возвращения» — всего три рассказа. В них воздух жизни, которым мы дышали после войны.

Синергетический реализм

— ЧТО такое синергетический реализм, о котором вы часто говорите?

— Прежде всего, надо понять — что такое синергетика? Это слово происходит от греческого син — «совместно» и эргос — «действие».

Первыми на совместное действие (синергетическое) тех или иных препаратов обратили внимание медики. Они заметили, что два, три, четыре лекарства, употребляемые вместе, дают лечебный эффект выше, чем каждое из лекарств, употребляемое в отдельности.

А теперь представьте, что все эти лекарства суть таланты, которыми наделён тот или иной автор. Он — поэт, прозаик, публицист. Или — поэт, музыкант, исполнитель.

В зависимости от того, кому адресуется произведение: читателю, слушателю или зрителю, — на первый план выходит автор с определёнными талантами. Владимир Высоцкий сочинял стихи, музыку, был непревзойдённым исполнителем своих песен, но он ещё был прекрасным артистом, а в налаживании контакта с аудиторией это являлось зачастую первоочередным.

Несовпадение резьбы

— Писатели, как правило, — люди, тонко чувствующие других людей, их настроение, переживания и т.д. Что сейчас происходит с нашим обществом? И что будет происходить дальше?

— Совсем недавно главный идеолог Кремля заявлял во всеуслышание, что у нас есть идеология *суверенной демократии*. При этом в кулуарах власти, среди своих единомышленников, он, не стесняясь, называл депутатов Госдумы не иначе как кнопками для голосования.

Если наши избранные — кнопки, то мы, простые обыватели, граждане, тогда вооб-

ще никто и звать нас никак. Но, может быть, этого циника из высшего эшелона власти именно за его цинизм и «ушли» из идеологов?!

Впрочем, отношение к обывателю и со стороны оппозиции ничем не лучше. И когда она во власти. И когда она, грубо говоря, *бомжует*. И что бросается в глаза: когда она властвует — то против революции и революционных настроений. Когда *бомжует* — прилагает все силы для создания революционной ситуации.

Мне искренне жаль погибшего Бориса Немцова. Хотя никогда не считал его вождем оппозиции. Из его последнего интервью на «Эхе Москвы» явствует, что он очень хотел, чтобы на шествие антикризисной оппозиции вышло как можно больше народу. Желательно сто тысяч. И не важно, каких взглядов придерживается тот или иной обыватель. По сути, имелось в виду всё те же сто тысяч винтиков. Пусть с разной резьбой и даже с *резьбой*, противоположной заявленному лозунгам, но чтобы в определённое время, все вместе, в Марьино. И тогда власть испытает шок. Словом, и здесь ко-

Сейчас очень хорошее время. В том смысле, что в настоящем значении слова *писателем* быть невыгодно. Сейчас в настоящие писатели (скажем так) идут люди по призыванию. Потому что читателей мало, книги не раскупаются. Настоящий писатель бедствует.

А теперь к главному — несмотря на свою твёрдость, линейные системы недолговечны. Но в соприкосновении с хаосом, разрушаясь, они дают ростки новому. Благодаря этому линейная система не разрушается полностью, а самоорганизуется возле ростков в более сложные соцветия и продолжает жить уже в более сложном качестве. Именно отсюда идёт понимание, что слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твёрдое, тихое — громкое, короткое уравнивает длинное, в общем, как это утверждали даосисты.

Сущность синергетического реализма в том, что он не только не страшится хаоса, а посредством резонансного влияния, которым обладают синергетические произведения, усиливает и генерирует ростки нового, сокращает время и усилия для превращения хаоса в великие сады будущего, в сады жизни для всех людей.

личество винтиков первостепенно, а несовпадение резьбы — это несущественно.

Невольно приходит мысль, что потом, когда грянет революция, они нужную резьбу нам по живому нарежут? Как нарежали её в Киеве на майдане и в Одессе в Доме профсоюзов?! Я категорически против революций и против режиссёров, режиссирующих революционную ситуацию. В своей книге «Восторг и горечь» уже говорил, что фундаментальные программы страны всей своей сутью требуют фундаментальную фигуру в структуре власти. Такой фигурой мог бы быть монарх. А сутью властных структур — народная монархия. И в то же время я против того, чтобы в Конституцию России можно было даже её Гаранту входить, как к себе на кухню, и менять в ней конституционные положения без народного референдума.

Надо всегда помнить, что душу народа убивают не бедствия, а унижения. Унижаясь, хорошо питаться, хорошо одеваться — это не про нас. В моём понимании, сейчас в стране идёт противостояние между теми, кто готов унижаться *за ради* материальных благ, и кто готов бедствовать, но сохранить свою живую душу. И такое противостояние уже бывало в истории нашей страны. Великий святой России Серафим Саровский говорил, обращаясь к каждому из нас: спасись сам, и возле тебя спасутся десятки. Россия за свою более чем тысячелетнюю историю проходила и через более серьёзные испытания. И как поётся в песне: «И только твёрже выходила из огня...»

Вот что происходит сейчас и будет происходить в будущем — так я думаю.

Екатерина ВЛАСОВА,
Татьяна БЕЛОНОЖКИНА

Полную версию интервью читайте на сайтах:
<http://www.slipenchuk.ru>
и <http://www.argumenti.ru>.